

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «БОЛЕЗНЬ» В ЕВРОПЕЙСКОМ И РУССКОМ РОМАНТИЗМЕ

Штырова Алина Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный педиатрический
медицинский университет
ashtyrova@yandex.ru

THE GENESIS OF THE CONCEPT OF "ILLNESS" IN EUROPEAN AND RUSSIAN ROMANTICISM

A. Shtyrova

Summary: The article considers that the concept of «illness», «illness of the soul», «illness of the age» in European and Russian romanticism of the «Byronic» type is genetically rooted in the tradition of Christian thought and is associated with the concept of the conflict of value orientations. The source of the philosophical and aesthetic conflict characteristic of the Romantic worldview is seen in the fact that the true need for the existence of absolute values does not find confirmation in the life experience of the heroes.

The article points out that the French Romantics and Byron gave modern man a middle position in the dichotomy 'old man - new man'. The passionate and creative beginning, the intellect as the integrity of the rational-logical and imaginative sides are the essence of the Romantic personality, the denial of which is tantamount to its annihilation. But they are also the source of the romantic hero's sinfulness and rebellion against the will of the Creator. Doubt in God and his ability to organise the world in the right way relativises ethical precepts and justifies the egoistic arbitrariness of the individual. The paradox is that the romantic heroes of the Byronic type, in their confessions, a genre originally Christian, moderate their actions with the ethics of the Christian «new man». Lermontov stressed the possibilities of impartial knowledge. The intellect, freed from the influence of the affective sphere and its barriers, can comprehend the meaning of the divine universe and suffering.

Keywords: romanticism, sickness of the century, dichotomy, romantic conflict of values.

Аннотация: В статье определяется, что понятие «болезнь», «болезнь души», «болезнь века/времени» в европейском и русском романтизме «байронического» типа генетически восходит к традиции христианской мысли и связывается с понятием конфликта ценностных установок. Источник философско-эстетического конфликта, характерного для романтического мировоззрения в целом, видится в том, что истинная потребность в существовании абсолютных ценностей не находит подтверждения в жизненном опыте героев.

В статье показано, что французские романтики и Байрон в дихотомии «ветхий – новый человек» отводили современному человеку срединное положение. Страстно-стихийное начало, интеллект как целостность рационально-логической и фантазийной сторон – это суть романтической личности, отказ от них равен аннигиляции. Но именно они становятся источником греховности и бунта романтического героя против воли Творца. Сомнение в Боге и его способности правильно устроить мир делает этические заповеди относительными, оправдывая эгоистический произвол личности. Парадокс заключается в том, что романтические герои байронического типа в своих исповедях, жанре изначально христианском, соизмеряют свои поступки с этикой христианского «нового человека».

Лермонтов подчеркнул возможности беспристрастного познания. Интеллект, освобожденный от влияния аффективной сферы и ставящий ей барьер, может постичь смысл божественного мироздания и страдания.

Ключевые слова: романтизм, болезнь века, дихотомия, романтический конфликт ценностных установок.

Введение

Проблема генезиса философско-эстетической позиции европейских романтиков [2, 4, 5, 6, 9] и Лермонтова активно рассматривается в литературоведении [7, 8, 10, 13]. Целенаправленное обращение к рассмотрению понятия «болезни времени» является актуальным, поскольку может прояснить как генетические, так и сравнительно-исторические аспекты художественного своеобразия романтической литературы, посвященной типу героя байронического типа.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования являются художественная и автобиографическая проза Авг. Блаженного, Шатобриана, Констан, Нодье, Мюссе, Байрона, Лермонтова и

др. В работе применялись генетический и сравнительно-исторический методы исследования.

Результаты и обсуждения

Тема болезни души является одной из доминирующих в романтическом искусстве. Художественные произведения эпохи европейского и русского романтизма изобилуют описанием болезненных состояний. «Душевные недуги /Я все познал...», – говорит Манфред Байрона (1817). Что же подразумевают романтики под понятием «болезнь» и связанным с ним понятиями «лекарство – излечение»?

Шатобриан в «Замогильных записках» писал о том, что именно ему, а не Байрону, первому удалось исчерпывающе исследовать «болезнь века»: «В «Рене» я показал

болезнь моего века» [14, С. 191]. Духовная болезнь, по утверждению Шатобриана, имеет некое конститутивное свойство, можно лишь изменять ее «симптоматику», но не причины и признаки.

Болезнь современного человека в понимании Шатобриана – это состояние «смутности страстей». Рене умоляет Бога изменить в нем «ветхого человека», но сам отказывается от борьбы с этим началом, поскольку именно оно и проявляет масштаб его личности [15, С. 12]. Определение «ветхий человек» употребляется апостолом Павлом в Новом Завете в контексте противопоставления его «новому», познавшему Христа [11, Послание к Ефесянам, ст. 22–24]. Рене был первым романтическим героем, который «мечтательное», устремленное к образу идеального совершенства (но эгоистическое и гордое) начало отпадения от Бога осознает, как внушение «демона, царящего в его сердце», власть которого одновременно и тягостна, и привлекательна.

Представляется, что первенство применения понятия «болезнь» в исповедальном психологическом анализе принадлежит, скорее, не Шатобриану, а Августину Блаженному: «Болезнь души у меня поддерживалась и длилась, не ослабевая...» [1, С. 190]. Тематика и стилистика повествования его «Исповеди», в свою очередь, заставляет вспомнить 37 псалом Давида, где тот говорит о разрушении души грехом.

В основу размышлений Шатобриана о духовной болезни, поразившей романтического героя, легла именно необходимость выбрать между заложенным в человеке стремлением к максимальной реализации своей личности (прежде всего страстей, желаний) и этическим аспектом данных действий. Его герой переживает психологическую и духовно-нравственную коллизию, о которой говорится в Послании святого апостола Павла к Римлянам [11, ст. 14–15].

Страдание формирует мировоззрение героев «байронического» типа. Оно заставляет героев сделать вывод о несостоятельности мироустройства. Их «лучшая половина» души исчезает. Разочарование в земной любви, которая не может быть абсолютной, лишает веры в справедливость Творца и убивает душу: так, в произведениях Сенанкура, Констана, Нодье, Мюссе, Байрона, Лермонтова возникает тема окаменения, опустошенности, иссушенности, метафора души как выжженной пустыни, преждевременно засохшего плода, восходящая к Евангельскому источнику («Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие [ветви] собирают и бросают в огонь, и они сгорают» [11, Евангелие от Иоанна, 15, ст. 1 – 6]).

Эта же мировоззренческая и психологическая коллизия легла в основу философско-эстетической концепции

Байрона. Как английский романтик определил в «Разрозненных мыслях», «человек рождается с плотскими страстями, но и с врожденной, хотя и тайной любовью к Добру, коренящейся в его Духовном начале. Но да поможет Бог всем нам! Сейчас человек — сборище атомов, среди которых царит полный разброд» [3, С. 330]. Таким образом, «разброд», то есть раздвоенность сознания современного человека, является основным объектом философско-эстетического исследования романтиков. В дихотомии «ветхий – новый человек» французские романтики и Байрон отводили современному человеку срединное положение.

События «истории души» героев европейского и русского романтизма непосредственно сопряжены с событиями библейской истории и мифологии. Они вынуждены пройти и путь Адама, и путь Каина. Типичную духовную биографию романтического героя байронического типа отмечают конститутивные переломные моменты: цельность и невинно-детское состояние души сменяются грехопадением разочарования в божественном мироустройстве и сомнением в его справедливости. Еще одной общей для романтических героев чертой является специфическая характеристика их духовного возраста, закономерно вытекающая из модели их мировоззрения. Для них характерен феномен «отжившей жизни, старой молодости». Возникает разрушительный симбиоз разума, направляемого эгоистическими страстями, полагающегося только на свои собственные представления об этическом идеале, и страстей, к которым примешивается гордыня и вызов Богу.

В романтических героях страдание как аффект и интеллектуальные размышления о несовершенстве божественного мироустройства взаимно питают друг друга. Поэтому интеллект никогда не бывает беспристрастен, и подпитываемое ничем не сдержанными аффектами интеллектуальное начало становится разрушительным. Сомнение в справедливости божественного мироустройства дает героям своего рода разрешение на этический произвол, который они могут оправдать рационально-логически. Романтики «байронического» течения сходно представляют себе диалектику страсти, взаимопроникновение ее «темной» (страсть – источник внутренних противоречий, бунта, «демонизма») и «светлой» (начало творческой энергии, вдохновения, любви) сторон. В основе своей, будучи взяты как природно-естественное явление, страсти и желания эгоистичны, поскольку их сфера лежит в плоскости отношения к личному удовлетворению, принципа личного удовольствия.

Авторы французского «личного» романа избирают специфический ракурс видения духовной болезни. Если герой Байрона, находящийся «у крайностей в цепях», все же считал себя свободным, то герои французских романтиков в том, что на их поведение оказывают решающее

влияние неподконтрольные страсти (например «сладо-страстие гнева» у героя Мюссе) и подспудные эгоистические желания, что перенесенное страдание оказывает формирующее воздействие на их мировоззрение, видят источник трагедии, несвободы, «несовпадения» героев с самими собой: интеллектуальная свобода героев оборачивается несвободой от природных страстей, эгоистических желаний и эмоций.

Шатобриана, Сенанкура, Констана, Нодье, Мюссе объединяет одно общее убеждение: в современном человеке необходимо сформировать, или, скорее, развить уже существующее (ибо голос «лучшей половины души» все же звучит в героях) этическое сознание, высвободить его из-под гнета страстей. При сходном понимании «болезни» и ее духовных проявлений, определяющих стратегию жизненного поведения героев, имеется существенное различие в отношении европейских романтиков и Лермонтова к идее излечения этого состояния.

Структура формирующегося сознания нового типа, представленная в романе «Герой нашего времени», более сложна, поскольку она должна включить в себя интеллектуальный компонент как начало, ставящее барьер аффективно-эмоциональной сфере. Печорин в «Дневнике» говорит о «высшем состоянии самопознания» как о перспективе зрелости. Этим герой признает, что в настоящий момент его представление о мироздании относительно и неполно. Своеобразие позиции Лермонтова состоит в том, что он подчеркнул перспективы и возможности беспристрастного, стремящегося к объективности самопознания, которое по мере освобождения от влияния аффективной сферы может стать началом, позволяющим понять смысл мироздания и самого страдания: «душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно». Причиной того, что он не постиг божественную справедливость, герой тут признает скорее собственное несовершенство, а не принципиальное отсутствие этой справедливости в мире.

Эти размышления о возможности несвязанного с аффектом познания, сама направленность этого познания к положительной точке наводят на мысль, что Печорин уже не вполне находится в характерном для байронического героя срединном положении описанной выше дихотомии.

Хотя выход отнесен писателем к неопределенной временной перспективе, важно, что Лермонтов говорит о возможности следующего параграфа «истории души», на котором сама дихотомия станет одним из предварительных этапов, которым не ограничивается духовное развитие героя. Рассмотренное размышление Печорина заставляет вспомнить о понятии «позитивной свободы» Э. Фромма [12, С. 14].

Как показывает Лермонтов в главе «Фаталист», интеллект является и единственным средством познания законов мироздания. Это чистое, т.е. свободное от личных страстей, аффектов, философское познание. Нетипичная для романтических героев жизнеутверждающая энергия звучит в словах Печорина «я люблю сомневаться во всем». По мысли Лермонтова, интеллектуальное начало, то сомнение, которое порождает «болезнь века», возможно, станет и спасением.

Выводы

Генезис концепта «болезнь» в романтическом искусстве можно возвести именно к религиозному, библейскому употреблению этого понятия. У героев в европейском романтизме «байронического» типа формируется специфическая система мировоззрения, в основе которой лежит чувство. Счастье /наслаждение / (субъективная категория) для них становится философским критерием, с помощью которого оценивается состоятельность бытия и справедливость Творца. Это фиксируется в семантике понятия философия «мировой скорби»: итогом философского, интеллектуального анализа мира является чувство (скорбь).

Именно сенсоцентричность мировоззрения определяет этический крах героев в европейском романтизме «байронического типа». Следствием такого мировоззрения является то, что все поступки героев (даже благородные и альтруистические) мотивируются в конечном счете их эгоистическими желаниями.

М. Лермонтов показывает возможную перспективу принципиально нового для героя байронического типа качества познания, максимально свободного от влияния эмоциональной сферы, которое соотносит с понятием зрелости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Аврелий (Блаженный). Исповедь / пер. с лат. М.Е. Сергеевко. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 413 с.
2. Байметова И.С. Синтез романтических и реалистических черт в образах героев романов Лермонтова и Мюссе // Scientific progress. 2022. № Special Issue 1. С. 145–152.
3. Байрон Д.Г. Собрание сочинений: в 4 т. / Джордж Гордон Байрон; [пер. с англ. под ред. Т.Г. Гнедич]. Москва: Художественная литература, 1981. Т. 4. 1981. 711 с.
4. Беликова Е.В. Печорин и «миражи запада» // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 59–71.

5. Ильичев П.И., Лихтшангоф А.З., Микиртичан Г.Л., Раевская Н.Ю., Соловьева Г.В., Станиславова И.Л. Философские проблемы человека и общества: учеб.-метод. пособие / под ред. Г.Л. Микиртичан. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: СпецЛит, 2019. 415 с.
6. Корнилова Е.Н. Архетип «байронического героя» в литературе XIX века // Проблемы исторической поэтики. 2024. № 1. С. 34–49.
7. Кох М.В. Раскрытие духовно-смысловых связей романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Вестник науки. 2023. Т. 1, № 58. С. 48–53.
8. Кривонос В.Ш. Свойства и смыслы времени в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (66). С. 112–125.
9. Маньковская Н.Б. У истоков французского романтизма. Эстетические взгляды Рене де Шатобриана // Художественная культура. 2020. № 3. С. 102–115.
10. Мысовских Л.О. Меланхолия и отчаяние как экзистенциально-психологические категории в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 2. С. 78–86.
11. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / пер. с древнегреч. под ред. еп. Кассиана (Безобразова). Москва: Российское библейское общество, 2020. 452 с.
12. Философия в XX веке: Антология / под ред. Н.Я. Раевской, Г.В. Соловьевой. Санкт-Петербург, 2020. 72 с.
13. Ранчин А.М. Сюжет и фабула в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: некоторые наблюдения // Литературоведческий журнал. 2024. № 63. С. 7–22.
14. Французская новелла XIX века / сост. и предисл. Б.Г. Реизова; примеч. А.Ю. Наркевича. Москва: Гослитиздат, 1959. 742 с.
15. Шатобриан Ф.Р. де. Замогильные записки / пер. с фр. В.А. Мильчиной. Москва: Текст, 2020. 605 с.

© Штырова Алина Николаевна (ashtyrova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»